

О.В. Белова (Институт славяноведения, Москва)

Проблемы и перспективы исследования фольклора белорусско-русского пограничья¹

Традиционная духовная культура во всем многообразии своих форм является важнейшим маркером национальной традиции, универсальным идентификатором, работающим в направлении сохранения и приумножения культурного наследия.

Одним из важнейших постулатов изучения традиционной народной культуры является положение о том, что любая этническая культура по природе своей диалектна, т.е. в реальном территориальном и временном пространстве представлена рядом «локальных» вариантов или «культурных диалектов», подобно тому, как любой живой язык на практике реализуется не только через свою литературную «версию», но и посредством местных диалектов.

В связи с этим особую важность для изучения народной духовной и материальной культуры в региональном и ареалогическом аспектах имеют проекты, комплексно освещающие традиции тех или иных историко-культурных регионов, в совокупности представляющие этнокультурные данные определенных локальных традиций.

Данная публикация продолжает освещение работы российско-белорусского исследовательского коллектива над масштабными проектами, целью которых является междисциплинарное изучение ареального распределения, взаимодействия и модификации фольклорных сюжетов, обрядовых форм и диалектных особенностей на белорусско-русском лингвокультурном пограничье². Актуальность осуществляемых проектов состоит в том, что впервые специалистами в области этнолингвистики, диалектологии, фольклористики предпринимается попытка описать структуру лингвокультурного пограничья, опираясь на данные языка, фольклора и традиционных верований, показать единство культуры русско-белорусского пограничья, ее специфику на фоне восточнославянского этнокультурного континуума.

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Ареальная структура белорусско-русского лингвокультурного пограничья: язык и фольклор» (РГНФ–БРФФИ 13-24-01003).

² «Легендарные и мифологические нарративы белорусско-русского пограничья в контексте внутренних и внешних связей» (РГНФ–БРФФИ 11-24-01002 / договор № Г11Р-002; участники проекта с российской стороны – О.В. Белова (руководитель), Т.А. Агапкина, А.Б. Мороз, М.А. Каспина; участники проекта с белорусской стороны – Н.П. Антропов (руководитель), Е.М. Боганева, Т.В. Володина, В.А. Лобач); «Ареальная структура белорусско-русского лингвокультурного пограничья: язык и фольклор» (РГНФ–БРФФИ 13-24-01003 / договор № Г13Р-005; участники проекта с российской стороны – А.Б. Мороз (руководитель), О.В. Белова, В.А. Комарова, Н.В. Петров, Н.С. Петрова; участники проекта с белорусской стороны – Т.В. Володина (руководитель), Н.П. Антропов, Е.М. Боганева, Т.И. Кухаронак, В.А. Лобач).

Как уже неоднократно подчеркивали исследователи, фольклорные устные нарративы разных жанров, бытующие в зоне культурного пограничья или формирующиеся в русле «пограничной» традиции, отличаются от нарративов метрополии своей «комплексностью», «мозаичностью», «неординарностью» в силу того, что «пограничные» тексты являются репрезентантами сразу нескольких соседствующих традиций (Антропов, Белова 2012; Белова 2013а; Агапкина 2012; Bohaneva 2013). Продолжающиеся полевые фольклорно-этнографические изыскания на сопредельных территориях России и Белоруссии показывают, что, имея перед собой столь интересный и разнообразный предмет исследования, нам предстоит большая работа по классификации и типологизации накопленного материала.

В рамках работы по изучению фольклора пограничья (сюжетов и мотивов легендарной и мифологической прозы, обрядовых форм и текстов) наиболее значимыми в настоящее время представляются следующие **направления**.

1. Проблема пограничья и анклава применительно к фольклорным текстам непосредственно связана с тем, что фольклорная традиция в целом может трактоваться как текст, представленный локальными версиями, границы бытования которых могут не совпадать с современным административным делением. Для этого необходимо выяснить, каким образом в исследуемой контактной зоне представлены и соотносятся между собой (в синхронном и диахронном планах) различные типы границ: языковые, фольклорные, этнокультурные, административные.

2. Для фольклора пограничья является весьма показательным формирование местных, микролокальных сюжетных комплексов. Накопленный в последнее время материал позволяет дополнить картину регионального бытования этих сюжетов и выявить некоторые особенности структуры «пограничных» вариантов (Белова 2010, Белова 2013б, Белова 2013в, Володина 2012). Именно на пограничье сюжеты и мотивы, а также версии обрядовых текстов (с их вербальными и акциональными кодами) имеют тенденцию объединяться в связки и комплексы и образовывать отдельные микроареалы в отличие от метрополии, где локальные варианты сюжетов расположены более «равномерно» и «просторно». При этом некоторые комплексы мотивов, характерные именно для пограничья, и динамика их развития или угасания становятся своеобразными показателями сохранности (живучести) или размывания фольклорно-языковой традиции пограничья. В связи с этим особое внимание следует уделить изучению микролокальных (очаговых) традиций на территории сопредельных районов России и Белоруссии – материал показывает, что фольклорный фонд пограничья оперирует сходными комплексами сюжетов и мотивов.

3. Изучение текстовой и языковой структуры устных нарративов пограничного ареала, что позволяет устанавливать устойчивые закономерности (общий сюжетный состав, композиционную стабильность текста, языковые особенности и характерные языковые клише в фольклорных текстах и т.п., см. подробнее Белова 2013в).

Дальнейшие исследования традиционной духовной культуры и фольклора пограничья предполагают использование определенных **методологических подходов**.

1. Этнолингвистический подход, разработанный в рамках Московской этнолингвистической школы под руководством акад. Н.И. Толстого, обеспечивает анализ явлений традиционной духовной культуры с позиций отражения в языке архаических представлений и верований.

2. Лингвогеографический подход направлен на выявление ареалов и микроареалов распространения явлений традиционной духовной культуры (обрядов, ритуалов, мифологических представлений, связанных с восприятием окружающего мира) и текстов, описывающих эти фрагменты народного мировоззрения; картографирование единиц языка культуры (терминологии обрядов и верований, обрядовых элементов, сюжетов и мотивов фольклорных текстов и т.п.).

Такие исследования довольно активно проводились в 1920-е гг., однако в дальнейшем по ряду причин (в том числе и внелингвистического характера) они были надолго приостановлены. В настоящий момент в распоряжении исследователей есть не только богатый материал, собранный предшественниками, но и зафиксированный в последние десятилетия значительный объем лингвистических и фольклорно-этнографических данных, что позволяет сравнивать состояние традиции в различные временные периоды и определять механизмы ее трансформации.

Сегодня в наибольшей степени изучен гуманитариями брянско-гомельско-черниговский регион (так называемый БГЧ-регион), давно привлекавший внимание исследователей в силу своего лингвокультурного разнообразия (Сержупутовский 1926). Однако не менее перспективным для гуманитарных исследований представляется псковско-смоленско-витебское и смоленско-могилевско-витебское пограничье, о чем свидетельствуют, в частности, материалы, собранные в последние годы участниками экспедиций, организованных Российским государственным гуманитарным университетом, Институтом славяноведения РАН, Российской академией музыки им. Гнесиных, Институтом языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы Национальной академии наук Беларуси, Полоцкого государственного университета. Результаты полевых сезонов 2013 года в пограничные районы Смоленской обл. России (Велижский район) и Могилевской обл. республики Беларусь (Климовичский район) уже дали интересные результаты. Материалы обрабатываются и готовятся к публикации.

Как наиболее перспективные и соответствующие современному мировому уровню развития гуманитарного знания нам представляются следующие **формы работы**.

1. Сбор материала по скоординированной программе (вопросники по различным фольклорным жанрам, обрядовым комплексам и терминологии обрядов), составленной с учетом специфики фольклорного фонда пограничья.

2. Составление аннотированного индекса/указателя основных сюжетов и мотивов легенд, преданий, быличек, заговоров, обрядовых текстов, бытующих на пограничье, с учетом их географического распределения. Разрабатываемые в рамках наших проектов принципы составления разножанрового регионального указателя сюжетов и мотивов позволяют сравнивать сюжеты и мотивы фольклорных нарративов и выявлять уникальные и повторяющиеся, заимствованные и «коренные» структурные элементы в фольклорных текстах. В перспективе этот задел может быть использован для составления фольклорного атласа белорусско-русского лингвокультурного пограничья.

3. Картографирование и полный учет отдельных сюжетов и их комплексов на основе разработанной специальной методики картографирования этнокультурных и этнодиалектных фактов). В ходе нанесения на карту и анализа собранного материала в очередной раз становится очевидным, что применительно к «фольклорному полю» административные, этнокультурные и языковые границы не совпадают. Границы бытования отдельных сюжетов и мотивов (как и формы их языковой (диалектной) репрезентации) часто не укладываются в «административную сетку». В настоящее время формирование электронных баз данных, текстотек и архивов делает материал доступным и позволяет специалистам различных направлений (фольклористам, этнолингвистам, диалектологам, этномузыкологам) обмениваться накопленным материалом.

Более подробно следует сказать и об уникальном **материале**, с которым работают на пограничье фольклористы и этнолингвисты. Безусловно, первостатейная ценность для нас – это материал, зафиксированный во время полевых исследований и извлеченный из архивных коллекций. Современные способы фиксации аудио и видеоматериалов позволяют оперативно обрабатывать записанную информацию и вводить в научный оборот свежие данные.

В начале нашего столетия настоящим подарком исследователям восточнославянских культурных ценностей стала серия «Традиционная мастацкая культура беларусаў» («Традиционная художественная культура белорусов»), с 2001 по 2013 г. вышло в свет шесть томов (десять книг), посвященных историко-культурным регионам Белоруссии. Главная задача серии – дать объемную картину регионального

богатства и самобытности основных видов традиционной культуры в ее аутентичных формах, показать народную культуру белорусов как живую традицию. В контексте «пограничных» исследований фольклора особую ценность представляют тома, посвященные Витебщине и Гомельщине. Для российских исследователей эти издания во многом стали ориентиром и образцом при обследовании Смоленской и Брянской областей.

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих особенности фольклорного фонда лингвокультурного пограничья, о которых шла речь выше.

Среди осенних календарных праздников на Поднепровье выделяются приуроченные к зимнему Николину дню обрядовые действия с так называемой свечой (термин обозначает почитаемую икону, переносимую из дома в дом, а также специально изготовленную для этого праздника свечу, иногда имеющую антропоморфный вид; «свечу» по очереди переносят из дома в дом, где она и остается в течение года) (ТМКБ 6/1: 394–398). Традиция «микольской свечи», бытовавшая в Могилевской и Смоленской губерниях в XIX в., хорошо описана в этнографической литературе (СД 4: 572–573). На территории современной Гомельской области этот обряд имеет четкую географическую привязку, разделяя Поднепровскую зону Гомельщины на две части: северо-восточную, где он отмечен, и юго-западную, где он не зафиксирован (границей выступает территория Калинковичского р-на). В отличие от довольно хорошо сохранившегося на Гомельщине обрядового комплекса со «свечой», на территории Смоленской обл. (Велижский р-н) нам удалось зафиксировать лишь единичное свидетельство об этом обряде (как о «родовом» празднике; при этом свеча в ритуале не упоминается, главным «действующим лицом» праздника становится семейная икона св. Николая):

[ГЛЕ:] Ну, вот... как обычно, Горыни наши, ну, фамилия это, Горыни. Их много было в деревне, и яны отмечали Николу... вон икона ў угле большая, это Николай Угодник. Чудотворец, Угодник. [А почему именно ему?] А это я уже не знаю...

[ЛЗС:] Такой их обычай был, у Горыней.<...> этый, как твой рассказывал кум... это... сегодня Николу отмечали у вас, на следующий год переносят к другому, тоже Горыни. <...>

[ГЛЕ:] А ў нас Горыни. Ну, больше никто, только эти Горыни. Ну, на... Горыни любили и выпить. [То есть они каждый год по родственникам?..] У их была большая икона. Никола. Ну, так. И вот, эту икону переносят. До следующего года она стоит. А потом справляет другой, и эту екону туда нясут, где праздник. И стоит целый год она там. [А большую свечу к этому празднику не делали?] Не-а.

(ГЛЕ – Горыня Лидия Ефремовна, 1929 г.р., ЛЗС – Лупанова Зоя Сергеевна, 1930 г.р., д. Осиновица; зап. О.В. Белова, А.Б. Мороз, Н.В. Петров, Н.С. Петрова, В.А. Комарова)

Как показывает уже накопленный материал, микроареалы с непрерывной календарной традицией (воспроизводящие архаические ритуалы) часто фиксируются на культурном пограничье (межэтническом, межрегиональном). Таков троицкий обряд «проводов русалки» в д. Усохская Буда Добрушского р-на (гомельско-брянско-черниговское пограничье) и вознесенский обряд «вождения и похорон стрелы» в д. Казацкие Болсуны Ветковского р-на (гомельско-брянское пограничье); ритуал украшения на Пасху «каменной девочки» (антропоморфного креста) в д. Боровое и Данилевичи Лельчицкого р-на (гомельско-житомирско-ровенское пограничье) (ТМКБ 6/1: 40–41; ТМКБ 6/2: 1189–1190).

Народные верования «пограничного» региона также свидетельствуют о диалоге региональных традиций.

Своеобразной «визитной карточкой» белорусско-русского пограничья стал «доброхожий» – мифологический персонаж, представления о котором зафиксированы на границе Гомельской и Брянской областей (Боганева 2009; Лопатин 2005). Постоянно увеличивающееся количество текстов о доброхожих как с русской, так и с белорусской стороны помогает адекватно представить ареал бытования единого комплекса поверий об этом персонаже народной мифологии (зафиксированы схожие поверья на Смоленщине и в Калужской обл.), описать его функции и определить круг сюжетов быличек, в которых он фигурирует (Белова 2013в).

Среди «пограничных» мифологических персонажей гомельского региона локальное распространение имеют *хохлік* (водит в лесу заблудившихся людей; Ветковский р-н), персонажи, которыми пугали детей, – *чалавек з жыта* (Лоевский р-н), *карак* и *кіка* (Октябрьский р-н), *жалязнячка* (Добрушский р-н). Один персонаж известен лишь в традиции д. Усохская Буда (Добрушский р-н), – *дзюндзік*, обитающий в огороде («галава клубочкам, цельца лубочкам, драцяныя ножкі, салам’яны рожкі»); у него есть «даўбешка» (колотушка), которой он наказывает непослушных детей (ТМКБ 6/2: 470, 745–747). Аналогов этого персонажа пока не зафиксировано; можно лишь отметить, что слово *дзюндик* в говорах Смоленщины означает «коротыш, малорослый человек» (Даль: 512) или «вялый, неповоротливый, нерасторопный человек, разиня» (СРНГ 8: 304).

В Витебской области был зафиксирован свой «пограничный» персонаж – *лізунок*. Природа его не совсем понятна, то ли это ведьма-оборотень, то ли некое существо с длинным языком, обитающее под печкой (д. Москаленята Городокского р-на; ТМКБ 2: 768 – 769). Можно предположить, что данный персонаж имеет «родственника» в иноэтнической традиции – в фольклоре белорусских евреев существовал шаловливый демон

лантух, обладающий длинным языком, с помощью которого он дразнит или пугает людей, просовывая его через окно (ЕНС: 120–121). Подобные тексты, бытующие на стыке этнокультурных традиций, являют собой еще одну сферу нашего изучения.

Любопытный факт можно отметить в связи с распределением и бытованием некоторых легендарных сюжетов на пограничье (как межэтническом, так и внутрирегиональном).

В легенде из Витебской обл., представляющей собой народный пересказ библейского сюжета об Исходе, «пограничная» река Двина, отделяющая Шумилинский р-н от Бешенковичского, становится тем самым рубежом, через который Моисей переводит свой народ; их преследователи тонут в воде и становятся «фараонами» (водяными духами):

Гавораць, Майсей перавадзіў сваіх людзей чэраз Дзьвіну, чэраз мора. А етыя гналіся, хацелі не дапусціць і асталіся ў вадзе. І фараонамі сталі (д. Польковичи; ТМКБ 2: 755).

Подобное свидетельство можно было бы рассматривать как некий курьез, если бы за ним не просматривалась устойчивая тенденция. Так, в рассказе, записанном от уроженки д. Усохская Буда Добрушского р-на говорится о том, что русалки и «палявыя дзеўкі», распевающие песни накануне хорошей погоды, живут в лугах и болотах по берегам реки, разделяющей Белоруссию и Украину:

...У нас там рэчка была, яна аддзяляла Украіну і нашу беларускую, і там балоты былі, дзе торф капалі... Так там жывуць етыя русалкі і палявыя дзеўкі (ТМКБ 6/2: 747).

Таким образом, местом обитания мифологических персонажей становится река Тетева или река Терюха (у слияния этих рек и расположена д. Усохская Буда), а их образы суть не что иное как трансформированный вариант образов поющих и сочиняющих песни «сирен», «морских людей», широко известных в украинском фольклоре (Белова 2013а: 475–477).

Во время экспедиции 2013 г. в Велижский р-н Смоленской обл. нами были записаны два варианта легенды о происхождении пасхальных яиц.

[Почему пасхальные яйца красят в красный цвет?] А вот этого не могу сказать, обязательно в красный надо. <...> А того, что как это, как Бог вот воскрес, и с него скатились скатились красные камушки, красные яички. Вот такое предание, что в красный обязательно надо красить. <...> Ну как, ну вот говорят, что Иисус Христос возродился, и с его... умер значить уже он.

И вдруг с его стали скатываться камушки, камушки красные, ну больше красные. <...> Ну да, где похоронили, там... как уже он стал вставать, скатились эти. Ну, по преданию, мы не видели, мы не знаем этого.

(Ефимова Надежда Михайловна, 1933 г.р., д. Погорелье; зап. О.В. Белова, А.Б. Мороз)

Как Христос воскрес, камни там катилися. А у нас еще, бывало, молодёжь стреляли. Как ужо двенадцать часоў, то Исус Христос, перед Паской... стреляли. Чтоб цутно было. Это ещё и после войны делали. Тяперь уже не делают. Якобы Исус Христос когда воскресал, то могила развярнулася, и камни грохотали. Вот ето чтоб грохот был, стреляли. Так нам говорили.

(Версина Анастасия Михайловна, 1932 г.р., д. Будница; зап. О.В. Белова, А.Б. Мороз, В.А. Комарова)

Оба варианта содержат довольно редкий мотив происхождения крашенных пасхальных яиц из камней; он известен также старообрядцам Литвы, спорадически бытует в украинском, польском и сербском фольклоре (см. УИМ: 457). Соответствие ему находим в записях XIX в. со Смоленщины: «Када Исус Христос воскрёс, то мелкие каменя абратились у яйцы; аттаво мы яйцами христосуимся» (Добровольский 1891: 244). А на Витебщине (Шумилинский р-н) в конце XX в. была записана легенда, согласно которой пасхальные яйца произошли из камней, которые кидали Христу в гроб евреи, не верившие в его воскресение (ТМКБ 2: 754).

Подобные фольклорные свидетельства позволяют расширить наше представление об ареальной структуре лигнвокультурного пограничья и дают интересный материал для картографирования явлений традиционной духовной культуры.

Потенциал гуманитарных исследований в области изучения культурного межрегионального взаимодействия действительно велик. Широкие перспективы открываются в связи с возможностью сопоставления в одном пространстве (в рамках этнокультурного ареала, в данном случае определяемого как «культурное пограничье») типологически однородных, но локально разнообразных текстов народной культуры. Исследования такого рода призваны наглядно продемонстрировать действие культурных механизмов, обеспечивающих сохранность традиции на сопредельных территориях, связанных общностью исторических судеб.

Литература

Агапкина 2012 – *Агапкина Т.А.* Сюжетные схождения в области лечебных заговоров на территории русско-белорусского пограничья // *Славянский альманах 2011.* – Москва: Институт славяноведения РАН, 2012. – С. 357–364.

Антропов, Белова 2012 – *Антропов Н.П., Белова О.В.* Исследование традиционной культуры белорусско-русского пограничья: проблемы и перспективы // Межакадемический совет по проблемам развития Союзного государства. Вып. 4: Гуманитарное сотрудничество – основа углубления интеграции Союзного государства / Под ред. С.М. Дедкова, В.К. Егорова. Минск, 2012. С. 49–60.

Белова 2010 – *Белова О.В.* Фольклор брянско-гомельского и брянско-черниговского пограничья: диалог региональных традиций // *Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5–8 июля 2010 года (г. Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде.* Брянск, 2010. Брянск, 2010. С. 27–32.

Белова 2013а – *Белова О.В.* Фольклорные нарративы пограничья: проблемы и перспективы исследования (на примере народно-христианских легенд и топонимических преданий) // *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013. Доклады российской делегации / Отв. ред. А.М. Молдован. М., 2013. С. 466–485.*

Белова 2013б – *Белова О.В.* Ареальная структура белорусско-русского лингвокультурного пограничья: проблемы и перспективы исследования // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы / Вестник Гродненского университета им. Я. Купалы. Серия – Филология, Педагогика, Психология. 2013. № 3 (165). С. 18–26.*

Белова 2013в – *Белова О.В.* Фольклор лингвокультурного пограничья – диалог региональных традиций // *Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов. Сборник научных статей / Сост. и отв. ред. Н.Е. Котельникова. М., ГРЦРФ, 2013. 288 с. С. 204-219.*

Боганева 2009 – *Боганева Е.М.* «Харошыя былі людзі, толькі іх не відзеў ніхто» // *Живая старина. 2009. № 4. С. 14–16.*

Володина 2012 – *Володина Т.* Заговоры от червей в ране – белорусская традиция на европейском фоне // *Заједничко у словенском фолклору / Уредник Љубинко Раденковић.* Београд, 2012. Кн. 3. С. 93–106.

Даль – *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1981.

Добровольский 1891 – *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891.

ЕНС – Еврейские народные сказки, предания, былички, рассказы, анекдоты, собранные Е. Райзе / Сост. В. Дымшица. СПб., 1999.

Лопатин 2005 – «Людзей жа нявидзімых столькі, сколькі відзімых». Белорусские мифологические верования о «доброхожих» / Публ. Г.И. Лопатина // Живая старина. 2005. № 3. С. 34–37.

СД 4 – Славянские древности Этнолингвистический словарь / Под. общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4 (П–С). М., 2009.

Сержпутовский 1926 – *Сержпутовский А.К.* Отчет о поездке в Гомельскую губернию в 1926 г. Минск, 1926.

СРГНГ 8 – Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Л., 1972.

ТМКБ 2 – Традиційная мастацкая культура беларусаў. Т. 2. Віцебскае Падзвінне / Ідэя і агул. рэд. Т.Б. Варфаламеевай. Мінск, 2004.

ТМКБ 6/1, 6/2 – Традиційная мастацкая культура беларусаў. Т. 6. Гомельскае Палессе і Падняпроўе / Ідэя і агул. рэд. Т.Б. Варфаламеевай. Кн. 1. Мінск 2012; Кн. 2. Мінск, 2013.

УИМ – У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. Г.И. Кабаковой. М., 2014.

Bohaneva 2013 – *Bohaneva A.* Légendes étiologiques dans la «Bible paysanne» biélorusse (Nativité, Fuite en Egypte) // Contes et légends étiologiques dans l'espace européenne / Sous la direction de Galina Kabakova. Paris: Flies France, 2013. P. 59–66.